

17.11.03

Парк Тимоти

И довольно грустный вопрос. сию. Почему вдруг взялись за зируют на телевидении. а о том, как это все воспринял бы ма, теперь опера. какой из полунастел

Новые бременские музыканты

Квартет виолончелистов в Доме музыки

Коммерсант. - 2003. - 17 нояб. - с. 22.

Музыка фестиваль

В Камерном зале Московского дома музыки прошел концерт «Музыка для четырех виолончелей» — очередное мероприятие абонемента «Возвращение. Портреты». «Четыре лучшие виолончели молодого поколения Европы» (таково было второе название концерта) слушал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Камерный фестиваль «Возвращение», так украсивший несколько последних концертных сезонов, в этом сезоне обзавелся новым форматом. Теперь бойкая и мастеровитая музыкальная

молодежь, питаемая на Западе и в России лучшими традициями русской исполнительской школы, возвращается на ежемесячные концерты абонемента «Возвращение. Портреты». Четверка с последнего «портрета» — Борис Андрианов, Татьяна Васильева, хорватка Моника Лесковар и американец Тимоти Парк — объединена личностью их педагога, знаменитого Давида Герингаса, ученика Мстислава Ростроповича, который ведет классы в лучших высших музыкальных школах Германии.

Действительно, с первых же аккордов четверка музыкантов

продемонстрировала единообразие маэстрии — несколько головной темперамент и обезоруживающая виртуозность. Ансамблевые произведения из первого отделения, так или иначе вращающиеся вокруг баховской стилистики, для этого подходили как нельзя лучше, будь то знаменитая «Чакона» в переложении Ласло Варги или «Бах — вариации II» Миндаугаса Урбайтиса. Все необычайно логично, все выверено, все сыграно четко и собранно. Сольные выступления — Татьяна Васильева с «Русскими наигрышами» Родиона Щедрина и Тимоти

Парк с финалом виолончельной сонаты Золтана Кодая — демонстрировали сходную картину: очень уверенные задатки непогрешимого мастерства, умно и деловито преодолеваемые трудные места, манера естественная и, при всей суховатости, довольно эффектная.

Тем неожиданнее было то, что во втором отделении виолончелисты как будто специально задались целью впечатлить слушателя калейдоскопической сменой колористики. Тут уж на сухость было сложно пожаловаться при всем желании. Для начала — ударный набор «танго-

вых» пьес аргентинцев Мариано Мореса и Энрике Франсини: здесь оставалось только дивиться тому, как легко у этих по первоначальной видимости адептов чопорного и строгого техницизма получилось освоить размягченно-нервную поэтику национального аргентинского танго. Да еще с таким аутентичным задором, что в томных синкопированных излияниях виолончелей периодически отчетливо слышались звуки бандонеона — специфического инструмента типа баяна, без которого, как известно, и танго не танго. Затем последовали два

сольных номера: у Бориса Андрианова неожиданно легко и прозрачно прозвучала ранняя Соната для виолончели соло Дьердя Лигетти; а Моника Лесковар, напротив, истово и сурово выжимала из инструмента какие-то густые архаические напевы, перемежающиеся головокружительными по сложности пассажами, пьесы Джованни Соллимы «Alone».

Забавней всего было окончание концерта. После Баха, после Родиона Щедрина и Дьердя Лигетти — и вдруг Геннадий Гладков с музыкой к мультфильму «Бременские музыканты»,

аранжированной для четырех виолончелей Борисом Андриановым. Слушатели, конечно, улыбались и исподволь фыркали, узнавая в отточенных виолончельных созвучиях старые добрые мотивчики вроде «Такая-сякая, сбежала из дворца» или «Тру-ля-ля, тру-ля-ля, завтра грабим короля», и, в общем, были по-своему правы. Но стоит с удовольствием отметить, что в самой игре музыкантов совершенно не было заметно настроения, которое приблизительно описывается фразой «Формализмом мы вас попотчевали, теперь можно и отдохнуть, а

вы пока посмейтесь». Никакой глумливой расслабленности, только четкость и спокойное изящество, хотя и очевидно было, что с юмором у этой виолончельной молодежи все в порядке, просто и юмор у них не балаганный, а сосредоточенный и мастеровитый. Возможно, в этом стоит увидеть дополнительный критерий профессионализма — точно так же как критерием хорошего певца может быть способность прочувствованно спеть «Чому я не сокіл, чому не летаю» и не показаться при этом простаком или гаером.